УДК 128

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ПОИСКОВ

Швец Лариса Георгиевна,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления – филиал, доктор политических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Аннотация
В статье анализируются этапы эмансипационной революции, обозначившей новые рубежи гендерных отношений и гендерной индивидуализации. На примере женской гендерной субъектности показана ее специфика в области интеллектуальной деятельности (повышенная значимость эмоционального интеллекта), а также на уровне ценностно-мотивационных установок в семейно-демографической сфере. Что детерминирует специфику женской смысложизненной рефлексии. Показан парадоксальный характер современных эмансипационных процессов, где при устремлении к равенству в действительности утверждается особая идентичность.

Ключевые понятия:
эмансипационная революция, гендерные отличия, гендерная субъектность, эмоциональный интеллект, ценностные установки в семейно-демографической сфере.

Гендерный подход в социальных и политических отношениях в последние десятилетия приобрел значительные, можно сказать, глобальные масштабы. По всей видимости, в политико-идеологическом плане он занял место классового подхода, поскольку феминистское движение выступает как, вероятно, одно из последних крупных социально-политических движений. Это нашло отражение и в ориентациях современных научно-гуманитарных исследований.

В современной науке в последние десятилетия интенсивно развиваются гендерные исследования. Сформировались гендерные парадигмы и направления в социологии, политологии, психологии, педагогике, конфликтологии и др. Затронули они и сферу философии, где прежде всего феминизм нашел благодатную почву для анализа значимой асимметрии в деятельности субъекта познания, властвования, управления и других сфер субъектных проявлений, в рамках которых подспудно, контекстуально заложено андроцентрическое (маскулинное) начало: «Для большинства философов «человечность» и «маскулинность» тождественны» [1, с. 81], что составляет благодатную почву для критического анализа. При этом непременно вспоминают кантовский трактат «Антропология с прагматической точки зрения» (1798), где мыслитель называет женщину «домашним животным».

Концептуальный каркас, который фигурирует на философском и научном уровне гендерологии, включает такие категории, как: «гендерная система», «гендерная стратификация», «гендерная идентичность и идентификация», «социальное конструирование гендера», «феминное и маскулинное сознание и самосознание», «феминизм» и ряд других.

Нельзя не заметить, что гендеризация в науке и философии во многом обусловлена интенсивным эмансипационным процессом, который с ускорением, ощутимыми темпами происходил в XX в. и продолжается в XXI в., пройдя ряд этапов. Прежде всего он коснулся женщин и их стремления к равенству в сфере труда и социально-политических отношений.

Как совершенно верно отмечают известные авторы: «До недавнего времени двери, ведущие к лидерству во всех областях человеческой деятельности, открывались для женщин с трудом. Огорчаясь по этому поводу, женщине полезно помнить, что

реального равноправия полов нет. Провозглашенное в Конституции равноправие относительно. Для равных с мужчинами достижений женщине необходимо вложить в 5–7 раз больше сил, чем это требуется мужчине. Иначе ее постигнет неудача, и по этому поводу возникает озлобление и потеря сил. Надо иметь в виду, что в других, даже «цивилизованных», странах, положение не лучше» [3, с. 123].

Если брать общий контекст происходящих гендерных изменений, то речь идет прежде всего о том, что в развитых странах происходят изменения, связанные (по определению И.С. Кона) с сексуальной, гендерной и семейной революциями [8, с. 8–31].

Пик сексуальной революции в развитых странах Запада пришелся на 1960–1970-е гг., а главными историческими предпосылками стали индивидуализация, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением.

Социально-культурные сдвиги, которые первоначально выглядели как сексуальные, очень скоро переросли в революцию гендерную.

Сегодня женщина может сама, без посредства мужчины, добиться высокого социального статуса, и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках. Современные мужчины и женщины открыто конкурируют друг с другом в широком спектре общественных отношений и деятельности.

В сфере трудовой деятельности происходит постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности. Мужчины утрачивают монополию на политическую власть.

Можно констатировать и многие проявления семейной революции. Институт официального брака утратил монополию на оправдание сексуальности и легитимацию партнерских и семейных отношений. Сегодня «парой» в ряде «продвинутых» государств фактически признается любой союз, где двое людей говорят, что они образуют единое целое, независимо от семейного статуса и пола партнеров, а «семьей» в ряде случаев считается любая пара, имеющая детей, независимо от того, зарегистрированы ли их отношения и воспитываются ли дети в одном или двух домохозяйствах.

Превращение брака в свободное партнерство резко уменьшает возможности традиционалистских административно-бюрократических установок «регулирования» семейных отношений сверху. В современном браке гораздо больше гендерного равенства; «справедливое распределение домашних обязанностей» становится одним из важнейших условий семейного благополучия. В связи с этим меняется и отношение к однополым семьям. В первом десятилетии XXI в. однополые браки полностью узаконили 13 стран, во многих других странах, чтобы избежать конфессиональных конфликтов, их легитимируют под другими названиями, типа «гражданских партнерств».

Словом, стремительное развитие гендерного перепозиционирования в социальной практике, идущее рука об руку с гендерными исследованиями, не могло не выйти на уровень методологических и междисциплинарных обобщений и обоснований. Тем более что гендерные изыскания развиваются уже не только в русле феминизма, но захватывают сферу маскулинных и квазигендерных отношений. Вместе с тем когнитивный и социально-проектный опыт, полученный здесь, быстро распространяется на иные сферы проявления человеческого существования и отношений, иную субъектность: «Сегодня стало реальностью распространение феминистской методологии женских и гендерных исследований на исследования этносов и рас, инвалидности» [10, с. 8].

Следует указать на то, что в рамках Ростовской философской школы также интенсивно ведутся исследования субъектности в различных контекстуальных полях [9], обозначено понятие «модальности субъектности» [12, с. 519–526], связываемой с неклассическим пониманием субъектности.

Стоило заняться разноликой субъектностью, сделать определенные обобщения, придя к понятию «модальности субъектности», как новый срез не заставил себя ждать в виде квазигендерной субъектности.

Квир-теория, квир-анализ, направленные на объяснение «бытия иных» в трудах И. Сэджвик, Д. Батлер, Э. Гросс, идеально вписались в концепцию многомерной субъектности.

К тому же, как нам кажется, удалось приблизиться к пониманию сущности второй волны эмансипации, развернувшейся к концу XX в. во всем мире и серьезно повлиявшей на выстраивание структур совре-

менной власти на всех уровнях, включая глобальный.

Продолжение указанной линии научного анализа, связанной с многомерным пониманием субъектности, ориентацией на разные модальности субъектности, приводит к обнаружению более детальной, но значимой дифференциации всей сферы когнитивной деятельности по гендерному основанию. В частности, ведя анализ в сфере многомерной модели интеллекта (чье появление обусловлено в первую очередь формированием когнитологии и исследованиями в области искусственного интеллекта) и выделяя как наиболее значимые ее сферы – сферу рационального и эмоционального интеллекта, нельзя обойти вниманием тот факт, что с современной точки зрения основные проявления рационального интеллекта представлены в рамках деятельности маскулинной субъектности, а эмоционального – в рамках феминной субъектности[1], которая изучена значительно хуже. Попробуем обозначить основные векторы реализации и проявлений этой субъектности.

Первое. Изучая сферу эмоционального и социального интеллекта, вспоминаются попытки М. Хайдеггера ввести в оборот модельный эквивалент понятийной категории – экзистенциал, но применительно к ценностно-целевой сфере деятельности.

На очереди – попытки синтезировать сферы теоретического и практического разума, изучая взаимодействие рационального и эмоционального интеллекта.

Кстати говоря, еще один мостик между разными категориальными и экзистенциальными системами также намечается в связи с гендерными исследованиями.

В рамках различной гендерной субъектности практическая асимметрия рационального и эмоционального интеллектов приводит не только к попыткам переделки «леворуких» женщин в аутентичных «праворуких» маскулинных интеллектуалов, но и к разработке тонких когнитивных технологий, позволяющих эффективно воспользоваться природой и обществом сформированной гендерной асимметрией. Речь может идти о развитии релевантных феминному интеллекту отраслей и форм социальной практики.

Изложенные соображения позволяют сделать вывод о том, что исследования в рамках гендерной парадигмы могут развиваться разными путями. Например, традиционным и уже явно обозначившемся, когда осуществляется критика традиционных научных и философских обобщений с точки зрения гендерной репрезентации и преодоления новых «идолов познания». В этом плане превалируют изыскания, направленные на устранение гендерного неравенства в базовых отраслях деятельности.

Если правильно понимать теоретиков и практиков феминизма, то устранение указанных неравенств приведет к установлению гендерно справедливого общества. Но невольно возникает вопрос: а будет ли предустановленная гендерная симметрия в социальном, экономическом и политическом плане способствовать прогрессу? И приведет ли она в итоге такой «гармонии» к удовлетворению «обиженной» ныне стороны? Нам кажется, что сейчас назрел момент подумать об «асимметричных ответах».

Второе. Согласно логике концепта социальной справедливости, интерпретируемой как стремление к равенству прав, возможностей и фактического положения дел, практика развитых стран (где основным механизмом достижения социальной справедливости выступает институт социального государства) подтверждает, что именно здесь указанная повестка дня феминизма и учет гендерного аспекта социальной справедливости достигается в наибольшей степени.

Но на этом пути есть и свои проблемы. Они связаны, в том числе, с естественным появлением новых горизонтов реализации социальной справедливости. Прежде всего речь идет не только о традиционных подходах, связанных с равенством, но и о высшем уровне ценностно-мотивационной сферы человека, которые в гендерном плане весьма различны и ориентированы на проблемы духовной свободы и возможности самореализации человека. Потенциал сущностных сил и направленность самореализации у мужчин и женщин существенно различны.

[1] Это очень наглядно показано в одной научно-популярной работе, где дана обширная сводка когнитивных различий по гендерному основанию: см.: [4, с. 119–322, 358–359].

Автор основывается на обзоре «Sex Differences: Summarizing More then a Century of Scientific Research. Rsychology Press, 2008», где представлены 18000 научных исследований половых различий, которые касаются не только поведения, но и анатомии, физиологии, склонности к различным заболеваниям. Кроме того, проанализированы и исследования по гендерным различиям: эмоциям, обучаемости, склонностям.

Таблица 1

Ценностно-мотивационные различия в современных семейно-демографических установках мужчин и женщин (см. подробнее: [2, 5–7])

Вид установки	Мужчины	Женщины
1. Воспроизводство семьи, рода	Доминирует установка на демографическую (родовую) самореализацию	Доминирует установка на стабильную семью, «семейное гнездо», длительные эмоциональные отношения
2. Выполнение семейной роли	Установка на ролевое семейное доминирование, экономическую роль «кормильца», вспомогательные роли в ведении семейного хозяйства	Установка на ролевую семейную паритетность, ведущие роли в ведении домохозяйства, социокультурное семейное доминирование («воспитатель»)
3. Личностно-демографический идеал, программа семейного воспроизводства	Установка на 1–2 ребенка в семье, включающая обязательное рождение мальчика («наследника»)	Установка на 2–3 и более детей, включающая рождение девочки, или на гендерную паритетность
4. Установка на соотношение семейной, профессиональной, личностной роли в развитии семьи	Приоритет в профессиональной реализации и подчиненное выполнение других ролей	Приоритет семейной роли, подчиненное выполнение других ролей
5. Основной гендерный мотив личностной самореализации	Установка на презентацию мужской состоятельности продолжателя рода	Установка на реализацию материнской роли

Вот как, к примеру, выглядит дифференциация ценностно-мотивационной сферы в гендерном аспекте в одном из наиболее важных социально-биологических проявлений в жизнедеятельности человека – в семейно-демографических установках (см. табл. 1).

Приведенная совокупность базовых семейно-демографических установок может быть еще дополнена, но и исходя из предложенных позиций видно, что существенная гендерная асимметрия выступает реальностью, обусловленной не только факторами социального пола, но и более глубокими социально-биологическими программами. Конечно, в различных социально-экономических и социокультурных условиях приведенные гендерные различия либо стереотипизируются и становятся более рельефными, либо сглаживаются благодаря поддержке со стороны государства и общества и развитию эмансипационных тенденций.

В то же время само по себе сглаживание гендерных различий в семейно-демографической сфере иногда служит сдерживающим механизмом в восстановлении полноценной семейно-репродуктивной функции.

Стоит согласиться с суждением известного современного философа Дарио Саласа Соммера: «Думаю, что женщина не займет своего законного места, пока не осознает глубинные мотивы собственного поведения, поскольку подсознательно она решительно выступает против равенства. Сами женщины делают это равенство невозможным. И только осознав эти скрытые мотивы, они смогут преодолеть препятствия к его достижению» [11].

К этому стоит добавить, что развитие инновационной сферы в области человеческой репродукции возрождает у части общества надежды на возобновление некоторых евгенических проектов («новые амазонки» и зеркальная по отношению к

ним ситуация – суррогатное материнство, услуги по искусственному оплодотворению, использование потенциала генной инженерии и современной медицины по восстановлению репродуктивных функций и коррекции наследственных заболеваний и т.п.), хотя это не всегда совместимо с доминирующими антропологическими и гуманистическими ценностями.

И продвижение к новым горизонтам справедливости должно иметь это в виду. Однако перспективные направления, а главное, социально значимые результаты гендерного саморазвития пока не очень хорошо видны. Но то, что известно, заставляет задуматься о тех фундаментальных изменениях, которые может вызвать гендерное саморазвитие в структуре, функциях, задействуемых управленческих технологиях основных социальных и политических институтов общества.

И за примерами здесь далеко ходить не нужно. Анализ общей эволюции политической власти (даже вне зависимости от гендерных влияний) с точки зрения ее основных компонент показывает все усиливающееся ее смещение с опоры на доминантную компоненту – к опоре на компоненту влияния. А это в перспективе означает вступление на почву, где начинают действовать более антропологически адекватные параметры женской природы и женского опыта. Наиболее явно данные тенденции проявляются прежде всего на уровне местного самоуправления и муниципального управления.

Традиционная гендерная асимметрия в рамках сложившихся политических институтов и отношений может быть дополнена иной (функциональной) асимметрией, где преобладают методы и технологии политического влияния. И тем самым можно активизировать процессы форматирования аутентичных в гендерном отношении форм властных и иных политических отношений (участие, представительство, самореализация).

Наконец, третий аспект, характеризующий асимметрию в гендерной самоорганизации. Он связан с когнитивными технологиями и их реализацией в разных сферах, например в бизнесе. В последнее время все больше исследуют и пишут о методологии и методиках действий эмоционального интеллекта (EQ). Он все более популярен в современном бизнесе, и, пожалуй, без детальных исследований EQ вряд ли следует ждать прорывов в проблемах разработки искусственного интеллекта. Однако именно структуры EQ более развиты в женском гендерном измерении. Открывается новое социальное пространство для гендерной самореализации. И как оно будет заполняться, как будут распределяться ресурсы для его освоения? Четких ответов тоже пока нет.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что и в гендерном движении, и в гендерных исследованиях до сих пор акцент делался на достижении и утверждении уравнительных, симметричных подходов и ценностей. Между тем, здесь уже просматривается новая *повестка дня:* в движении к возможностям полной самореализации тех способностей и задатков, которые имеются у всех гендерных сторон, и выстраивании ряда базовых кластеров социальных, экономических, политических, культурных, духовных отношений и проявлений в адресно-гендерной проекции.

В этом направлении возможно продвижение и к более глубинным содержательным горизонтам социальной справедливости. Что со временем откорректирует смысложизненные поиски в гендерном контексте в сторону от желаемой ныне симметрии – к более чувствительной к мотивам самореализации асимметрии, но в условиях релевантной ей социальной практики.

1. Брокгауз. Философия: концепции, мыслители [Текст] / Брокгауз. Пер. с нем. СПб.: Амфора, 2010. 423 с.

2. Василец, Т.Б. Мужское и женское в структуре личности [Текст] / Т.Б. Василец, Н.В. Романова. Ростов н/Д., www.gineya12.narod.ru, 2002. 72 с.

3. Грановская, Р.М. Врожденные истоки конфликтов [Текст] / Р.М. Грановская, Е.А. Дуленкова. СПб.: Изд-во «Речь», 2014. 320 с.

4. Жуков, Д.А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2 т. Т. 2, гл. 8 – Он и Она. [Текст] / Д.А. Жуков. М., 2014. 367 с.

5. Кон, И.С. Мужчины в меняющемся мире [Текст] / И.С. Кон. М., 2009. 496 с.

6. Кон, И.С. Отцовство как социокультурный институт [Текст] / И.С. Кон // Педагогика. 2005. № 9. С. 3–16.

7. Кон, И.С. Половые различия и дифференциация социальных ролей [Текст] / И.С. Кон // Соотношение биологического и социального. М., 2009. С. 763–776.

8. Кон, И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революция [Текст] / И.С. Кон // Постклассические гендерные исследования: Колл. моногр. / Отв. ред. Н.Х. Орлова. СПб.: Изд-во С-Петерб. унта, 2011. С. 8–31.

9. Новое понимание субъектности в различных контекстуальных полях. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2011. 480 с.

10. Петрова, Р.Г. Гендерология и феминология [Текст] / Р.Г. Петрова. М.: Изд-во «Дашков и К⁰», 2012. 272 с.

11. Соммэр, Дарио Салас. Существует ли женщина? [Текст] / Дарио Салас Соммэр. М.: Изд-во «Кодекс», 2014. 480 с.

12. Старостин, А.М., Швец, Л.Г. Классическая и неклассическая модели субъектности в контексте философской инноватики [Текст] / А.М. Старостин, Л.Г. Швец // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник – 2012. Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. С. 519–526.

References

1. Brokgauz (2010) Filosofija: koncepcii, mysliteli. Per. s nem. SPb.: Amfora. 423 p. [in Rus].

2. Vasilec T.B., Romanova N.V. (2002) Muzhskoe i zhenskoe v strukture lichnosti. Rostov n/D, www.gineya12.narod.ru, 72 p. [in Rus].

3. Granovskaja R.M., Dulenkova E.A. (2014) Vrozhdennye istoki konfliktov. SPb, Izd-vo «Oech'», 320 p. [in Rus].

4. Zhukov D.A. (2014) Stoj, kto vedet? Biologija povedenija cheloveka i drugih zverej: v 2 t. T. 2, gl. 8 – On i Ona. Moscow, 367 p. [in Rus].

5. Kon I.S. (2009) Muzhchiny v menjajushhemsja mire. Moscow, 496 p. [in Rus].

6. Kon I.S. (2005) Pedagogika, 2005, no. 9, pp. 3–16 [in Rus].

7. Kon I.S. (2009) Polovye razlichija i differenciacija social'nyh rolej // Sootnoshenie biologicheskogo i social'nogo. Moscow, p. 763–776 [in Rus].

8. Kon I.S. (2011) Tri v odnom: seksual'naja, gendernaja i semejnaja revoljucija // Postklassicheskie gendernye issledovanija: Koll. monogr. / Otv. red. N.X. Orlova. SPb,: Izd-vo C-Peterb. unta, pp. 8–31 [in Rus].

9. Novoe ponimanie sub#ektnosti v razlichnyh kontekstual'nyh poljah (2011). Rostov n/D, JuRIF RANHiGS, 480 p. [in Rus].

10. Petrova R.G. (2012) Genderologija i feminologija. Moscow, Izd-vo «Dashkov i K⁰», 272 p. [in Rus].

11. Sommjer Dario Salas (2014) Sushhestvuet li zhenshhina? Moscow, Izd-vo «Kodeks», 480 p. [in Rus].

12. Starostin A.M., Shvec L.G. (2013) Klassicheskaja i neklassicheskaja modeli sub#ektnosti v kontekste filosofskoj innovatiki // Filosofskaja innovatika: poiski, problemy, reshenija. Ezhegodnik – 2012. Rostov n/D, Donizdat, pp. 519–526 [in Rus].

UDC 128

GENDER DIMENSION OF LIFE-PURPOSE SEARCHING

Shvetz Larisa Georgievna,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management – branch, Doctor of Political Science, Professor, Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Annotation
The article analyzes the stages of emancipation revolution that has drawn new lines of gender relations and gender individualization. As exemplified by female gender subjectness the author shows its peculiarities in the sphere of intellectual activity (higher importance of emotional intellect) and also on the level of value and motivating system in family demographic sphere, what determines peculiarities of female life-purpose reflection. Paradoxy of up-to-date emancipation processes is shown (driving at equality a peculiar identity is established in reality).

Key concepts:
emancipation revolution,
gender differences,
gender subjectness,
emotional intellect,
value system in family demographic sphere.